

DOI: 10.31857/S086919080029233-3

ПЕРЕВОРОТ 16 МАЯ 1961 г. В ЮЖНОЙ КОРЕЕ В ПОЛИТИКЕ США¹

© 2024

Д.А. САДАКОВ ^а

^а – Вятский государственный университет, Киров, Россия
ORCID: 0000-0003-4308-7276; rstk2005@gmail.com

Резюме: Статья посвящена методам реагирования США на процесс насильственной смены власти в Южной Корее в рамках военного переворота 1961 г. Процесс изменения существующей политики США в отношении Кореи был запущен незадолго до революционных событий в связи с поступающими американцам известиями о заговоре. Тем не менее упредить процесс смены власти не удалось, переворот 16 мая во многом застал американцев врасплох. Первоначальная попытка Вашингтона поддержать законные власти оказалась неэффективной в новых условиях. В итоге, американцы заняли выжидательную позицию и наблюдали со стороны за развивающимся процессом установления военного правления. Уже к середине лета 1961 г. американцы фактически смирились с авторитарным режимом, приостановившим действие республиканской конституции, расправляющимся с любыми ростками оппозиции и не желающим в краткосрочной перспективе возвращать гражданский контроль над правительством. Однако, к осени того же года участникам военного переворота удалось положительно зарекомендовать себя в глазах американцев. Их руководитель Пак Чон Хи воспринимался как «сильный, справедливый и умный лидер», выступавший связующим звеном между правительством и народом и эффективно борющийся с традиционной корейской фракционностью. Ситуация в стране стабилизировалась, а риски контрпереворота были минимизированы. Временный запрет политических партий, также как и другие «сомнительные методы» новых властей, воспринимался американцами как атрибут революционной атмосферы переходного периода. С точки зрения США, приход к власти в Корее нетерпимой к коррупции и, одновременно, антикоммунистической группы, был большой удачей. Американцы были не готовы идти на жёсткие меры ради предотвращения формирования на Юге диктатуры, и спустили ситуацию на тормозах, надеясь повлиять на дальнейшую эволюцию южнокорейской политической системы. Такой подход позволил защитить позиции Вашингтона на полуострове, однако его негативной стороной стала деградация ситуации с соблюдением прав человека в Республике.

Ключевые слова: Республика Корея, Пак Чон Хи, США, военный переворот, права человека.

Для цитирования: Садаков Д.А. Переворот 16 мая 1961 г. в Южной Корее в политике США. Восток (Oriens). 2024. № 2. С. 87–95. DOI: 10.31857/S086919080029233-3

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-78-10179.
<https://rscf.ru/project/22-78-10179/>

COUP OF MAY 16, 1961 IN SOUTH KOREA IN THE US POLITICS²

© 2024

Denis A. SADAKOV ^a^a – Vyatka State University, Kirov, Russia

ORCID: 0000-0003-4308-7276; rstk2005@gmail.com

Abstract: *The article is devoted to the methods of the U.S. response to the process of forced change of power in South Korea during the military coup of 1961. The process of changing the existing U.S. policy towards Korea was launched shortly before the revolutionary events due to the available information about conspiracy. However, new approaches were still being in development, and the May 16 coup took the Americans by surprise. Washington's initial attempt to support the legitimate authorities proved ineffective under the new conditions. As a result, the Americans took a survivalist position and watched the establishment of a military rule from the sidelines. By mid-summer of 1961, the Americans had already accepted the authoritarian regime that had suspended the republican constitution, suppressed any sprouts of opposition, and was unwilling to return civilian control of the government in the short term. The coup leader, Park Chung-hee, was perceived by Americans as a «strong, fair, and intelligent leader» who acted as a bridge between the government and the people and effectively combated traditional Korean factionalism. The situation in the country stabilized and the risks of a counter-coup were minimized. The temporary banning of political parties, as well as other «questionable methods» of the new authorities, was perceived by Americans as an attribute of the revolutionary atmosphere of the transition period. From the U.S. point of view, the rise to power in Korea of a group intolerant of corruption and, at the same time, anti-communist, was a great success.*

Keywords: Republic of Korea, Park Chung-hee, USA, military coup, human rights.

For citation: Sadakov D.A. Coup of May 16, 1961 in South Korea in the US Politics. *Vostok (Oriens)*. 2024. No. 2. Pp. 87–95. DOI: 10.31857/S086919080029233-3

Военные перевороты по сей день остаются распространённой формой изменения политических режимов в различных странах мира. Смена власти может оказать существенное влияние на региональный расклад сил. В этих условиях внешняя политика великих держав неизбежно адаптируется к новым обстоятельствам. Особую сложность для них представляют военные перевороты в союзных государствах, которые вносят неопределённость в двусторонние отношения. Характерным примером подобного сценария явился военный переворот 1961 г. в Южной Корее, поставивший американцев перед фактом смены лояльного им гражданского режима Второй республики на военное правление под негласным руководством имевшего в прошлом связи с коммунистами лидера. В то же время, переворот 16 мая стал отправной точкой процесса формирования на Юге Кореи политического режима во главе с Пак Чон Хи, ответственного как за многочисленные случаи нарушения прав человека, так и за возникновение южнокорейского «экономического чуда». Цель данной статьи – конкретизировать методы реагирования США на процесс насильственной смены власти в Южной Корее в рамках военного переворота 1961 г.

В историографии проблема реакции США на южнокорейский военный переворот 1961 г., как правило, затрагивалась только в рамках общих работ, посвящённых истории

² The study was supported by grant No. 22-78-10179 from the Russian Science Foundation.
<https://rscf.ru/en/project/22-78-10179/>.

отношений Вашингтона и Сеула, а также военной политике Соединённых Штатов в регионе (см., напр.: [Oh, 2017; Brazinsky, 2005; Malzac, 2019]). Тем не менее работы на русском языке по указанной тематике практически отсутствуют, а сама тема нуждается в дальнейшем изучении. Источниковая база настоящей статьи – опубликованные в рамках серии *Foreign Relations of the United States* документы Государственного департамента США [FRUS, 1996].

В двадцатых числах апреля 1961 г. в ЦРУ стала поступать первая информация о подготовке в Южной Корее военного переворота во главе с генерал-майором Пак Чон Хи. Южнокорейские военные были разочарованы коррумпированностью и слабостью действующего правительства Юга. По данным разведки, планы заговорщиков поддерживались студенческими группами и сторонниками реформ. 24 апреля генерал Чан До Ён, начальник штаба южнокорейской армии, поделился с американцами своими сведениями о военном заговоре. Он сообщил о желании арестовать Пак Чон Хи, и о том, что не может сделать этого немедленно, поскольку для этого у него не хватает доказательств. Премьер-министр Южной Кореи Чан Мён также был в курсе слухов о перевороте, но не придавал им значения. Южнокорейский лидер не считал ситуацию опасной [FRUS, 1996, р. 456–457]. Какой-либо внятной американской реакции на поступающие сведения также не последовало.

5 мая 1961 г. СНБ принял решение об обновлении подходов США к политике в отношении Кореи. Инициатором выступил президент Дж. Кеннеди, обеспокоенный ситуацией в стране и желающий иметь наготове план на случай возникновения чрезвычайных обстоятельств. Для подготовки документа была создана специальная рабочая группа во главе с начальником дальневосточного отдела Государственного департамента У. Макконахи. Обсуждение документа должно было состояться 19 мая [FRUS, 1996, р. 448].

16 мая 1961 г. в три часа утра по местному времени генерал Чан До Ён проинформировал командующего войсками ООН в Республике Кореи генерала К. Магрудера о том, что в стране происходит военный переворот и запросил поддержки со стороны американской военной полиции (в ней было отказано). Лидер заговорщиков Пак Чон Хи в течение ближайших нескольких часов убедил Чана перейти на свою сторону и номинально возглавить переворот. По оценкам США, число задействованных в перевороте военнослужащих не превышало 4000 человек, но основные силы южнокорейской армии не пытались им помешать. Революционный комитет выпустил заявление о том, что берет под контроль власть в стране и пообещал, что новое правительство будет антикоммунистическим, развернёт борьбу с коррупцией, стабилизирует экономику, добьётся объединения Кореи и продолжит соблюдать все существующие договорённости с США. В конечном итоге комитет собирался передать бразды правления «честным и компетентным политическим лидерам». К десяти утра под контролем заговорщиков находилась большая часть центра Сеула. Командование ООН и посольство США в Сеуле заняли позицию поддержки законно избранных южнокорейских властей и утром 16 мая без согласования с Госдепартаментом сделали соответствующие заявления. Магрудер призвал находящиеся под его командованием южнокорейские войска поддержать Чан Мёна и восстановить порядок [FRUS, 1996, р. 449–454].

Днём 16 мая исполнявший обязанности посла американский поверенный в делах М. Грин и генерал Магрудер встретились с президентом Республики Кореи Юн Бо Соном. Вопреки ожиданиям американцев, заявивших о катастрофических последствиях узурпации власти для Южной Кореи, Юн подчеркнул, что народное недовольство действующей администрацией широко распространено. По его мнению, Чан Мёну так и не удалось создать сильное правительство, в котором нуждался народ страны. Он считал, что возможным выходом из ситуации могло стать создание надпартийного кабинета из числа депутатов Национального собрания и внесистемных политиков. При этом он не ориентировался на

конституционные процедуры. На тот момент у американцев отсутствовали сведения о местонахождении Чан Мёна [FRUS, 1996, p. 452–454].

Тем временем, ночью 16 мая в Госдепартаменте продолжали настаивать на желательности восстановления власти законного правительства. По мнению Вашингтона, безрассудные действия военной клики подрывали стабильность Республики Кореи и её репутацию на международной арене. На фоне исчезновения Чан Мёна у американцев появлялись слабые аргументы в поддержку новой власти. Госдепартамент предлагал занять выжидательную позицию, избегая и действий в ущерб законной власти, и прямой её поддержки. Работавшим в Корее американским органам было предложено воздержаться от заявлений о происходящих событиях [FRUS, 1996, p. 451–452, 455–456].

На следующий день ситуация не прояснилась. Чан Мён не появлялся, а мятеж набирал обороты. Американские военные провели опрос случайных прохожих на улице, по итогам которого 40% опрошенных высказалось в поддержку действий Революционного комитета. В два раза меньше людей посчитали действия заговорщиков преждевременными, а остальные раскритиковали мятеж. По мнению американцев, Чан До Ён впал в депрессию и отказывался от любых решительных действий. Юн Бо Сон, с точки зрения Магрудера, использовал ситуацию, чтобы избавиться от Чан Мёна и установить правительство нового типа. По мнению американского генерала, вся политическая верхушка Южной Кореи знала о перевороте и ничего не сделала для его предотвращения. Магрудер также обращал внимание на прошлые связи Пак Чон Хи с коммунистами³, но указывал на его твёрдую антикоммунистическую репутацию в настоящем. Американец считал, что переворот может сделать Пака самым влиятельным человеком в стране [FRUS, 1996, p. 458–461].

Американские офицеры предпринимали попытки оказать влияние на южнокорейских коллег дабы предотвратить их участие в перевороте. Однако для конкретных и немедленных мер по подавлению мятежа требовался прямой приказ Чан Мёна. Магрудер считал, что сторонники законного правительства обладали для этого необходимыми силами и рекомендовал дать лоялистам зелёный свет. Он также допускал, что придется самостоятельно отдать приказ о подавлении мятежа, но признавал этот шаг нежелательным [FRUS, 1996, p. 458–461].

К ночи 17 мая Госдепартамент начал предпринимать первые продуманные шаги, учитывающие новые реалии. В сеульское посольство были направлены инструкции, предоставляющие американским дипломатам максимальную свободу действий в изменяющихся условиях. На случай, если в посольстве приходили к выводу, что правительство Чан Мёна безвозвратно распалось, послу предоставлялись полномочия действовать по своему усмотрению и предпринимать те шаги, которые он считал необходимыми. Целью политики США становилось создание ответственного внепартийного правительства национального единства, состоящего преимущественно из гражданских лиц. Допускались и возможность работы с Революционным комитетом, и использование Юн Бо Сона на старой должности в качестве источника легитимности новой власти. Особое внимание уделялось сохранению законности транзита властных полномочий, а также поддержанию боеготовности армии [FRUS, 1996, p. 461–462].

Итогом переворота 16 мая стало установление власти Военного революционного комитета, переименованного спустя 4 дня в Верховный совет национальной перестройки. Данный орган стоял выше существующих государственных институтов обладал фактическими диктаторскими полномочиями с целью глубокого реформирования Республики Корея и интенсификации развития страны.

³ После окончания Второй мировой войны Пак Чон Хи участвовал в работе коммунистической организации в южнокорейской армии, но после её раскрытия встал на путь сотрудничества с властями.

Спустя неделю после переворота в Вашингтоне продолжалась работа по выработке формата взаимодействия с новыми властями Южной Кореи. Сотрудник аппарата СНБ Р. Джонсон, обсудив ситуацию с Макконахи, указал на три приоритета США – максимальное «ограждение» новой администрации, условный характер оказания американской помощи и комплексная борьба с коррупцией [FRUS, 1996, р. 464–465].

Одновременно, американцы всячески подчёркивали, что не связаны с заговорщиками. Госдепартамент даже не давал посольству детальных инструкций по взаимодействию с новыми властями, предоставляя формат и частоту контактов с ним на усмотрение своему посольству в Сеуле. Тем самым Вашингтон давал понять организаторам переворота, что он не гарантирует американскую поддержку и оказывал косвенное давление на них. Кроме того, американцы допускали, что Пак Чон Хи может предпринять попытку лично прибыть в США для прояснения статуса двусторонних отношений, а потому откладывали принятие конкретных решений [FRUS, 1996, р. 464–465].

В конце мая отчёт о ситуации в Корее подготовила разведка. Среди прочего, разведчики упомянули о старых связях Пак Чон Хи с коммунистами и допускали, что тот может оказаться «давним коммунистическим агентом» или «повторно поменяет сторону». В то же время основное внимание в ЦРУ уделяли более приземлённым вещам. Отмечалось, что группа Пака, вероятно, сохранит свои позиции в течение ближайших месяцев и сумеет дать новый импульс экономическому развитию и борьбе с коррупцией, но неопытность новых руководителей и их нежелание следовать советам могут привести к тому, что прогресс не будет слишком значительным. Также сохранялись риски, связанные с традиционной для Кореи межфракционной борьбой. Подчёркивалось, что члены Верховного совета представляют собой политиков нового образца, существенно отличавшихся от тех лидеров, с которыми Вашингтон контактировал до этого. Они авторитарны и национально ориентированы, а потому более решительны и будут утверждать суверенитет своей страны при любых обстоятельствах [FRUS, 1996, р. 468–469].

В начале июня появился отчёт о происходящем в Южной Корее специальной рабочей группы Государственного департамента во главе с Макконахи. В этом документе отмечалось, что США вынуждены работать с жёстким, авторитарным, но неопытным националистическим режимом. Констатировалось, что и революция 1960 г.⁴ и переворот 1961 г. были проявлением корейского национализма, что Вашингтон стремился «обуздать» эти силы и дать им новую цель. Формулировалась задача: определить степень готовности нового режима следовать предлагаемому из Вашингтона курсу. Исходя из этого прорисовывался стержень оптимальной тактики – организовать обмен мнениями, сначала через посла США в Сеуле, затем на уровне визита лидера Республики Кореи в Соединённые Штаты, и, наконец, посредством направления специальной миссии в Южную Корею. Переход к каждому последующему шагу в этом ряду зависел от достижения успеха на предыдущем этапе. Основное внимание в отчёте уделялось вопросам развития южнокорейской экономики и разделению гражданских и военных функций в руководстве страны. Конкретные цели для развития Южной Кореи в документе не ставились. Макконахи предлагал добиться того, чтобы корейцы сами определяли свои цели при поддержке американцев [FRUS, 1996, р. 469–473].

13 июня 1961 г. в присутствии президента Кеннеди состоялось очередное заседание СНБ. Выводы рабочей группы Макконахи собравшимися были поддержаны. Новому послу США в Корее С. Бергеру было поручено выйти на контакт с лидерами Верховного совета и сообщить, что США готовы сотрудничать и налаживать дружественные отношения с новым

⁴ Апрельская революция в Республике Корея, итогом которой стало свержение режима президента Ли Сын Мана и установление Второй республики.

режимом. От американских дипломатов требовалось добиться, чтобы новые южнокорейские лидеры публично признали заинтересованность в возвращении представительного правительства и конституционных свобод. Корейцы должны были понять, что проявление недобросовестности в этом вопросе скомпрометирует США и ООН. От них также требовалось продолжать необходимые государственные реформы. Направления работы были определены и в области экономики, и в контексте отношений с Японией. Как и предлагал Макконахи, успехам Южной Кореи на каждом из этапов должно было сопутствовать постепенное углубление контактов с США [FRUS, 1996, p. 479, 482–485].

Уже первые контакты с представителями новых властей Сеула продемонстрировали необоснованность надежд американцев. Грин сообщал в Вашингтон, что по его наблюдениям хунта ещё долго, – возможно годы, – не будет передавать власть гражданским. Более того, установившие контроль над страной военные не стремились даже частично делиться влиянием, назначая гражданских на значимые посты. Хунта заявляла о стремлении искоренить коррупцию, коммунизм и социальные пороки, но могла использовать для достижения этих целей, согласно определению дипломатов, «обречённые на провал» средства. Грин обращал внимание на рассогласованность действий новых властей и риск развития внутренних разногласий. Указывалось, что новые лидеры Юга были уверены в американской поддержке до тех пор, пока они борются с коммунизмом. С точки зрения Грина, американцам на данном этапе удавалось предотвращать наиболее серьёзные «эксцессы» нового режима, а народ Южной Кореи оставался искренним другом Вашингтона. Дипломат предлагал продолжать придерживаться позиции «дружеской сдержанности», которая оставляла руки хунты хотя бы «частично связанными» [FRUS, 1996, p. 486–488].

Подозрения насчет присутствия коммунистических элементов в составе хунты у американцев оставались. Они подогревались, в том числе и сообщениями представителей южнокорейского генералитета. Эти сообщения всерьёз обсуждались на заседаниях рабочей группы Макконахи, однако были признаны не соответствующими действительности. Методы хунты, с точки зрения американцев, действительно, напоминали методы коммунистов. Однако деятельность заподозренного в коммунистических взглядах руководителя южнокорейской разведки, – родственника Пака, – Ким Чон Пхилия оценивалась как потенциальная угроза по другой причине. В США подозревали, что он готовил почву для единоличного правления [FRUS, 1996, p. 490–493].

Следует отметить, что сегодня эти подозрения выглядят вполне обоснованными. Современные исследования подтверждают, что именно Ким Чон Пхиль, а не Пак играл ключевую роль в подготовке переворота 16 мая [Malzac, 2019, p. 129–130]. Американская разведка также рассматривала возможность того, что за переворотом 16 мая стоят коммунисты. Однако, не отбрасывая эту версию до конца, разведчики подчёркивали отсутствие доказательств в её пользу [FRUS, 1996, p. 501].

Официальные заявления дипломатов Южной Кореи, впрочем, были гораздо более позитивными, чем выводы экспертов. Корейцы говорили о стремлении укрепить национальную безопасность, искоренить коррупцию и, сразу после достижения вышеизложенных целей, передать власть гражданским. В ответ американцы, хотя и подчёркивали готовность работать с властями Южной Кореи, выражали неуверенность в будущем развитии ситуации и сообщали о надеждах на то, что новые южнокорейские лидеры продемонстрируют готовность сотрудничать и управлять страной посредством необходимых конституционных процедур [FRUS, 1996, p. 493–495].

Несмотря на периодически возникавшие у союзников США вопросы о позиции американцев по ситуации в Республике Корея [FRUS, 1996, p. 495], Вашингтон продолжал придерживаться линии на дистанцирование от активного участия в корейских делах.

Бергер полагал, что американцам следует дождаться развязки «второго этапа революции» и окончательного закрепления Пак Чон Хи у власти. Любые попытки смягчить ситуацию, с его точки зрения, вели лишь к затяжке межфракционной борьбы и отсрочке открытого противостояния внутри Верховного совета. Излишнее давление на Пака к тому же могло дать обратный желаемому результат. Существенный риск заключался и в возможном коллапсе южнокорейской экономики. И Бергер, и Грин не видели альтернативы оказанию поддержки Пак Чон Хи и не были готовы идти далее публичного выражения озабоченности сложившейся ситуацией [FRUS, 1996, p. 496–498].

К середине лета 1961 г. американцы фактически смирились с авторитарным режимом, приостановившим действие республиканской конституции, расправляющимся с любыми ростками оппозиции и не желающим в обозримой перспективе возвращать гражданский контроль над правительством. Американская разведка сообщала, что новые власти, первоначально пользовавшиеся популярностью в обществе на фоне всеобщего разочарования правительством Чан Мёна, начали терять сторонников, особенно среди горожан. Для многих корейцев действия хунты стали напоминать о временах Ли Сын Мана. Коммунисты охотно использовали изъяны существующего в Корее режима в своей пропаганде [FRUS, 1996, p. 499–503].

Разведка ожидала очередного витка репрессий в случае открытого проявления в Южной Корее недовольства новым режимом. Несколько обнадеживала в этой ситуации разве что оценка посольства США в Сеуле, согласно которой Пак Чон Хи и его команда лучше ориентировались в проблемах страны чем правительство Чан Мёна и имели шансы с большей вероятностью добиться прогресса в решении насущных проблем. Положительным моментом, по меркам Вашингтона, был и выраженный антикоммунистический характер новых властей (хотя американцы и продолжали допускать наличие «спящих агентов-коммунистов» среди участников хунты). Указанные причины, с точки зрения посольства, служили основанием для публичной поддержки Верховного совета, даже в том случае, если тот не станет выполнять политические рекомендации американцев. В Госдепартаменте, впрочем, стремились избежать любых жестов, указывающих на поддержку хунты [FRUS, 1996, p. 499–503].

12 августа Верховный совет национальной перестройки анонсировал постепенное возвращение к гражданскому правлению. Процесс должен был завершиться формированием президентской республики в 1963 г. Однако, по данным США, в администрации Республики имелись и противники этого процесса. К ним, в частности, относился Ким Чон Пхиль. Американские дипломаты старались способствовать реализации декларированных планов Верховного совета, поддерживая контакт с Пак Чон Хи [FRUS, 1996, p. 510–511].

Государственный секретарь США Д. Раск вносил личный вклад в оказание давления на южнокорейские власти. Для этого использовались даже переговоры Хрущёва и Кеннеди в Вене в июне 1961 г., в ходе которых руководитель советского государства привёл пример Южной Кореи как государства, которому нечего предложить своему народу и нестабильного даже без вмешательства со стороны СССР и КНДР. Госсекретарь призывал южнокорейского посла сообщить на родину, что в США желают ускорить переход к гражданскому правлению и подумать о назначении выборов до сессии Генассамблеи в 1962 г. Подобное давление оказывалось американцами при каждом удобном случае [FRUS, 1996, p. 513–517].

Спустя полгода после переворота посольство США в Сеуле сделало вывод о том, что хунте удалось закрепиться у власти. У Верховного совета не было широкой народной поддержки, но проводимые им реформы носили фундаментальный характер и во многом соответствовали советам американцев. Борьба военных против коррупции также приносила результаты. Выросла эффективность работы госаппарата. Однако постепенное движение вперёд не означало мгновенного разрешения застарелых проблем. С точки зрения амери-

канских дипломатов, многое зависело от председателя Пак Чон Хи – «самого хладнокровного и самого надёжного и стабильного» из лидеров новой власти. При этом в посольстве видели существенные риски дестабилизации ситуации, связанные с возможностью выхода из-под контроля межфракционной борьбы, стремительным ростом инфляции и бесконтрольной деятельностью превратившегося в «сторожевого пса» режима южнокорейского ЦРУ [FRUS, 1996, p. 521–525].

Тем не менее, достигнутый Верховным советом прогресс сделал возможным визит Пак Чон Хи в Вашингтон в ноябре 1961 г. Американцы целенаправленно стремились повысить престиж корейского лидера и продемонстрировать своё понимание сложности стоявших перед новым режимом проблем. В то же время, Вашингтон хотел подчеркнуть авторитет фигуры своего посла в Сеуле и впечатлить Пака американской мощью [Korea: Security, 1961–1963, 2023, p. 145]. На встрече с южнокорейским лидером госсекретарь Раск отметил, что США удовлетворены достижениями новых властей. Впрочем, на переговорах в основном стороны обсуждали вопросы оказания американской помощи Корее [FRUS, 1996, p. 529–534]. Во время встречи Пака и Кеннеди также поднимались вопросы глобального противостояния в рамках холодной войны, конфликта во Вьетнаме и отношений между Японией и Южной Кореей [FRUS, 1996, p. 538].

К концу 1961 – началу 1962 г. лидеры военного переворота сумели зарекомендовать себя в глазах американцев энергичными и преданными своему делу руководителями, способными к проведению полноценных реформ и намеренными довести до конца процесс восстановления представительной власти. В посольстве США доверяли заявлениям новой власти о скором прекращении репрессий и восстановлении законности.

Пак Чон Хи воспринимался как «сильный, справедливый и умный лидер», выступавший связующим звеном между правительством и народом и эффективно борющийся с традиционной корейской фракционностью. Ситуация в стране стабилизировалась, а риски контрпереворота были минимизированы. Временный запрет политических партий, также как и другие «сомнительные методы» новых властей, воспринимался американцами как атрибут революционной атмосферы переходного периода. С точки зрения США, приход к власти в Корее нетерпимой к коррупции и, одновременно, антикоммунистической группы, был большой удачей [FRUS, 1996, p. 542–543, 547, 551].

Итогом политики США в отношении Южной Кореи в период утверждения у власти военной хунты стала постепенная стабилизация внутреннего положения в стране, что и являлось основной задачей Государственного департамента. Американцы были не готовы идти на жёсткие меры ради предотвращения формирования на Юге диктатуры, и спустили ситуацию на тормозах, надеясь повлиять на дальнейшую эволюцию южнокорейской политической системы. Такой подход позволил защитить позиции Вашингтона на полуострове, однако его издержкой стала деградация ситуации с соблюдением прав человека в Республике Корея.

СОКРАЩЕНИЯ / ABBREVIATIONS

FRUS – *Foreign Relations of the United States*. 1961–1963. Vol. XXII. Washington, 1996.

СНБ – Совет национальной безопасности США.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

Brazinsky G. From Pupil to Model: South Korea and American Development Policy during the Early Park Chung Hee Era. *Diplomatic History*. 2005. Vol. 29. No. 1. Pp. 83–115.

Foreign Relations of the United States. 1961–1963. (FRUS). Vol. XXII. Washington: GPO, 1996.

Korea: Security, 1961–1963. *JFK Library*. <https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/archives/jfk-pof-121-004> (accessed 17.12.2023).

Malzac J. Whose Coup? The Alliance of Park Chung-hee and Kim Jong-pil. *International Journal of Korean Studies*. 2019. Vol. XXII. No. 1. Pp. 111–134.

Oh D. *The United States-Republic of Korea Military Alliance: Impacts on US-ROK Relations and South Korean Political Development, 1960–69*. PhD Dissertation. Chicago, 2017.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

САДАКОВ Денис Андреевич – кандидат исторических наук, научный сотрудник кафедры истории и политических наук Вятского государственного университета, Киров, Россия.

Denis A. SADAKOV, PhD (History), Research Fellow, Department of History and Political Sciences, Vyatka State University, Kirov, Russia.